

*Данный роман является вымыслом.
Любое сходство с реальными людьми
или событиями непреднамеренно и случайно.*

Глава 1

Знакомство

Розовые лица.
Револьвер
    желт.
Моя
    милиция
Меня
    бережет.

В. Маяковский, «Хорошо!»

Новичок выглядел нелепо. Его серая рубаша явно была рассчитана на кого-то ниже ростом и вдобавок наделенного не такими длинными руками, так что манжеты оказались значительно выше запястья, швы врезались в подмышки, а на груди ткань слишком тесно прилегала к телу. Брюки тоже подкачали — их шили на куда более упитанного мужчину, и нынешний их стройный обладатель в них попросту тонул. Потертый коричневый ремень, которым он был перетянут, не слишком спасал положение. Из-под темной фуражки с зелеными кантами лихо торчали непокорные темные волосы, которые, похоже, давно не стригли. На воротнике рубахи красова-

лись зеленые петлицы, и человек, сидящий в кабинете, устался на них с некоторым изумлением.

— Товарищ Опалин, — с широкой улыбкой выпалил нескладно одетый малый, обращаясь к сидящему за столом, — вот... так сказать... прибыл в ваше распоряжение... Я Юра Казачинский.

И, вспомнив что-то, он залез в один нагрудный карман, потом в другой, после чего стал рыться в кармане брюк. Не переставая улыбаться, Юра достал какую-то сложенную бумагу, напечатанную на машинке и снабженную несколькими подписями, развернул ее и положил на стол перед собеседником.

— Рад знакомству, Иван Георгиевич, — прибавил Казачинский все с той же открытой подкупающей улыбкой.

Следует, впрочем, отметить одну странную и даже настораживающую деталь — чем шире он улыбался, тем мрачнее становился немолодой человек, сидящий за столом. Услышав отчество, он едва заметно поморщился. Глуховатым баском поправил:

— Григорьевич, — и стал растирать висок, словно тот почему-то вдруг занял. — Вы, простите, к нам в угрозыск по комсомольской линии попали?

— Н-нет, — после легкой заминки ответил Юра, перестав улыбаться. — Я... э...

Дверь без стука распахнулась, и в кабинет вошел молодой брюнет в штатском, коротко стриженный и со шрамом на виске. Из угла его рта свисала папироса. Походка стремительная, шаги твердые, взгляд

в какие-то ничтожные доли секунды взвесил, оценил, рассмотрел незнакомца — и, похоже, вынес ему окончательный вердикт, не подлежащий обжалованию.

— Товарищ Опалин, — сказал немолодой подчеркнуто официальным голосом, поднимаясь с места и обмениваясь с вновь прибывшим крепким рукопожатием, — вот, полюбуйте. Подкрепление нам прислали — опять. Печется о нас начальство...

В последнюю фразу, вроде бы невинную по форме, он ухитрился вложить столько ядовитого сарказма, что Казачинский даже растерялся. Немолодой передал Опалину бумагу, которую тот тщательно прочитал, изредка бросая не слишком приветливые взгляды на нелепую фигуру нового сотрудника.

«Да он ненамного старше меня... — сообразил Юра, таращась на своего будущего непосредственного начальника. — Конечно, лет двадцать пять ему... ну, или двадцать семь... А старик тогда кто?»

Хотя стояло лето и в кабинете было жарко, «старик» — которому на вид казалось чуть больше сорока — был застегнут на все пуговицы. Его серая фуражка с красным кантом лежала на столе, и, покосившись на нее, Казачинский машинально отметил, что она не слишком похожа на ту, которую ему не далее как вчера выдали на складе.

— Где Яша? — спросил Опалин, обращаясь исключительно к старику и напрочь игнорируя нового сотрудника.

— Дома.

— Дома? — Опалин неодобрительно вздернул лосманые брови, его шрам шевельнулся.

— Мать его звонила, сказала, он отлеживается после вчерашнего. Сегодня не придет.

— Прекрасно, просто замечательно, — свирепо одобрил Опалин, — конечно, угрозыск — это такое место, куда каждый приходит когда хочет. Подумаешь, работа! Подумаешь, дело надо делать! — Он бросил бумагу на второй стол, стоящий в кабинете, круто повернулся к Казачинскому, вытащил изо рта папиросу и повисил голос: — А всего-то увидел труп человека, которому перерезали горло. Надеюсь, вы не собираетесь падать в обморок, если нам попадется зарезанный?

— Ну, я... — пробормотал Юра, лихорадочно ломая голову, как себя вести и что вообще сказать, чтобы не восстановить против себя вспыльчивого и непредсказуемого собеседника.

— Почему петлицы зеленые? — требовательно спросил Опалин, кивая на его воротник.

— Я... Мне такую форму выдали. Сказали, другой нет...

Иван смерил своего нового подчиненного хмурым взглядом.

— Сто лет уже не носят зеленые петлицы, — проворчал он, остывая. — И фуражку такую — тоже... Черт знает что!

Не зная, что делать, Казачинский поспешно снял фуражку — и тут же позорным образом выронил, после чего ему пришлось нагибаться и подбирать ее

с пола. Пока он проделывал все эти манипуляции, его коллеги обменялись взглядами, которые были куда красноречивее любых слов. Взгляд Опалина выражал искреннее недоумение, что этот недотепа собирается делать у них в угрозыске; взгляд старика был полон сочувствия и призывал набраться терпения. Сделав раздраженный жест, Иван сунул в рот папиросу, заложил руки в карманы, подошел к окну и стал к собеседнику спиной.

— Скажи, чем ты вообще занимался до того, как к нам попал? — дружелюбно спросил старик у Казачинского.

— Ну, много чем, — оживился Юра.

— Школу-то хоть окончил?

— Да. Семилетку.

— А после школы что?

— Работал.

— Где?

— Да по-разному. И на заводе, и на зубного техника учился, и лошадей, бывало, объезжал.

— Лошадей? — уже безнадежно спросил старик.

— Ну... да. А еще в кино трюки делал. Я трюкач.

— А почему не актер? Внешность у тебя вроде подходящая, — хмыкнул собеседник.

Юра насупился. Нет, к своей внешности этот красивый брюнет с ямочкой на подбородке не имел никаких претензий. Но...

— Да пробовал я поступить в актерский техникум, — признался он в порыве откровенности. —

И меня даже хвалили... Но потом экзаменатор мне говорит — молодой человек, я, конечно, могу вас взять, но подумайте сами: кого вы будете играть? Эпоха, говорит, требует пролетарских типажей, а какой из вас пролетарий? — Казачинский конфузливо хихикнул. — Смешно, да? У меня в роду все крестьяне да рабочие, а мне говорят — не похож я на пролетария. А для белогвардейцев и всякой такой нечисти, сказал мне экзаменатор, у вас лицо слишком положительное...

— Положительное, значит? — вздохнул старик.

— Ага, — подтвердил Юра, лучась улыбкой.

Судя по всему, собеседник Казачинского собирался продолжить свой допрос, но тут, к счастью, их прервал телефонный звонок. Стоящий на столе Опалина аппарат разразился сиплым треском, и — Юра так и не понял, как именно это случилось, но уже в следующее мгновение Иван оказался возле телефона, хотя только что стоял у окна в другом конце кабинета.

— Уполномоченный Опалин слушает. Да... хорошо... понял.

Он повесил трубку и повернулся к остальным.

— С оружием дело иметь приходилось? — спросил Иван у Казачинского.

— Нет, Иван Георгиевич, — пробормотал тот.

— Григорьевич, — сухо поправил его Опалин, и Юра с опозданием сообразил, что сегодня уже не первый раз путает отчество собеседника.

Все было ему внове, все казалось загадочным, странным и необычным, и больше всего — люди, с которыми он столкнулся в кабинете знаменитого здания на Петровке. Они были такие же, как все, и в то же время чувствовалось в них что-то, что отличало их от обыкновенных граждан, которые ходили по улице и не имели допуска в этот приземистый дом в три этажа, считая и цокольный. «Смотрит, а глаза как... забыл... ну, лучи, которые видят человека насквозь... Рентген, во! Или я придумываю, потому что нервничаю? Да нет, ничего я не придумываю...»

— На оружие и кобуру нужно отдельное разрешение, — негромко напомнил старик.

— Ладно, — сказал Иван, — с этим мы потом разберемся... Все равно, пока стрелять не научишься, оружия я тебе не дам. Поехали.

— Куда? — вырвалось у Казачинского. Он прикусил язык, но было уже поздно.

— Как куда? На выезд. Убийство у нас. — Опалин одним движением расплющил окурок папиросы в пепельнице. — Ты же не думал, я надеюсь, что мы тут в бирюльки играем? — Юра молча потряс головой, машинально комкая в руках фуражку. Он чувствовал себя донельзя глупо и с отчаянием думал, что никогда не станет в кругу этих решительных, бесстрашных, проницательных людей своим. — Нет? Ну и хорошо. Петрович, зови наших. Кто сегодня шофер — Харулин? Это хорошо: он вмиг нас домчит!

Глава 2

КОЛЛЕГИ

Легковые автомобили и мотоциклы при движении по городу должны быть снабжены двумя номерными знаками, а также сигнальным аппаратом, подающим явственно слышные сигналы. Предельная скорость не должна превышать 25 километров в час.

«Правила движения по городу Москве», 1927

В сущности, все оказалось не так страшно.

Группа, выехавшая на место преступления, состояла из пяти человек, если не считать шофера. В нее входили Опалин, старик, которого, как оказалось, звали Карпом Петровичем Логиновым, фотограф Спиридонов с громоздким фотоаппаратом на сложенном штативе, судмедэксперт Владимир Митрофанович Шаповалов и, собственно, сам Казачинский.

Его немного разочаровало, что им выделили не новенький автобус, а обычную старую машину, и вдобавок ко всему — открытую, что при переменчивости московской погоды представляло немалые неудобства. Но июльское солнце светило ярко, ветер бил в лицо, и Юра повеселел. Он решил, что ехать в машине, пусть и толкаясь локтями на тесном сиденье, было даже лучше, чем задыхаться от жары в просторном автобусе.

Подробности его биографии недолго были секретом для окружающих, и едва машина выехала за во-

рота, к Казачинскому как-то сама собой прилепилась кличка «трюкач».

— А ты в «Чапаеве»¹ снимался? — спросил Спиридонов, щуря свои маленькие, но необыкновенно внимательные глаза.

Юра признался, что нет, не снимался, но знает ребята, которые там были заняты в массовке.

— Слушай, трюкач, а ты к нам надолго или так? — спросил Шаповалов.

— Как получится, — уклончиво ответил Юра. Он увидел устремленные на него взгляды, в которых читалось что угодно, кроме одобрения, и тотчас пожалел о своей уклончивости, но было уже поздно.

— Ты, главное, в обморок при виде крови не падай, — добродушно посоветовал Шаповалов, блестя очками. — А то мне приходится бросать труп и оказывать помощь сотруднику. На что это похоже?

Все заулыбались.

— А что, труп претензии какие-то предъявляет? — выпалил Казачинский, и его импровизированная шутка, отдающая черным юмором, немного разрядила обстановку. Сидящие в машине засмеялись.

— Форма у тебя, конечно, это что-то, — заметил Спиридонов, разглядывая устаревшие петлицы на воротнике Казачинского. — Надули они тебя на складе.

---

¹ «Чапаев» (1934) — знаменитый фильм однофамильцев Васильевых, пользовавшийся у зрителей (в отличие от большинства лент схожей тематики) колоссальным успехом.